

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация /
Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Нонпарель, 2010. 449 с.**

В научной литературе стран СНГ наблюдается парадоксальная ситуация: несмотря на явную значимость евразийской проблематики – исторической, социокультурной, геополитической, экономической – для России, Казахстана, Центральной Азии, Кавказа, Черноморья, Восточной Европы, исследования в этой области так и не вышли на первые позиции научно-го мейнстрима. Объяснения этому, конечно, есть и связаны они, с одной стороны, с преобладающими «европейскими» научными и цивилизационными стереотипами, а с другой – с особенностями самого «евразийства» 1920-х гг. и «неоевразийства» 1990–2000-х гг. как интеллектуальных течений, в которых собственно научная составляющая нередко уступала место идеологической.

Евразийские идеи на постсоветском пространстве уже в начале 1990-х гг., с самого начала своего бурного ренессанса, попали в контекст жесткого идейного противостояния, и это, бесспорно, наложило отпечаток на все последующие дискуссии о евразийстве, на восприятие евразийских идей в научном мире. Евразийство (и неоевразийство), как правило, воспринималось весьма пристрастно – как его сторонниками, так и оппонентами. Делались некорректные, нетерпимые попытки представить интерес к евразийству проявлением научной маргинальности. Последствия всей этой «идейной» борьбы 1990-х гг. сказываются до сих пор. Для части научного сообщества проблематика евразийства и сегодня представляется не вполне научной. Впрочем, и вода камень точит. Поэтому следует признать, что в изучении евразийской темы есть и положительные тенденции.

Евразийская проблематика в 2000-е гг. постепенно занимала все большее место в научном дискурсе: защищались диссертации по различным наукам, публиковались статьи, проводились конференции, издавались книги. В итоге двадцать лет отечественного «евразияведения» привели к тому, что евразийские идеи, евразийские явления, евразийские процессы закрепились в качестве предмета научного исследования.

Плюс «маргинального» периода в изучении евразийства можно увидеть еще и в том, что благодаря своему нелиберальному имиджу евразийская тема избежала ажиотажной популярности в научном сообществе – ею занимались, не рассчитывая на большие дивиденды.

В конечном счете, 2000-е гг. принесли свои результаты – и узкая прослойка «евразияведов» стала выдавать серьезную научную продукцию. Именно в этом ряду следует назвать и новую коллективную монографию сибирских ученых «Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация». Руководителем данного проекта и ответственным редактором монографии является известный российский этносоциолог, заместитель директора по науке и заведующий сектором этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения РАН, доктор философских наук, профессор Ю. В. Попков. Авторами монографии являются также известные философы, разработчики и популяризаторы евразийской идеи, «сибирские сторонники евразийства»: А. В. Иванов, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Алтайского государственного аграрного университета (г. Барнаул); М. Ю. Шишин, доктор философских наук, профессор Алтайского государственного технического университета; Л. Б. Четырова, доктор философских наук, профессор Самарского государственного университета; Е. А. Тюгашев, кандидат философских наук, доцент Новосибирского государственного университета. Весьма важно, что коллективная монография имеет международный характер – среди ее авторов монгольские исследователи:

Х. Цоохуу, доктор физико-математических наук, профессор, директор Института исследований монгольского Алтая и Х. Цэдэв, кандидат педагогических наук, в недавнем прошлом проректор по науке и международным связям Ховдского государственного университета.

Во введении отмечается, что «авторы не всегда единодушны в оценке принципиальных проблем евразийского способа бытия. В силу различий в интеллектуальных традициях они фиксируют и анализируют эти проблемы разными способами». Но ценен именно «эффект дополнительности», реализованный в данной работе (с. 6). Особенность ее в том, что она имеет одновременно теоретический и прикладной характер: в ней сопряжены глубокая теоретичность, широкий историко-культурный материал и актуальные социологические данные.

Специально на проблеме «источников и истоков» евразийства авторы (Е. А. Тюгашев) оттаиваются в параграфе «Евразийские мотивы русской культуры» и присоединяются к представлениям об укорененности евразийской идеи в русской культуре. Позиция авторов такова, что они считают возможным фиксировать до 1920-х гг. только «протоевразийские» течения и «евразийские мотивы», так как идея Евразии тогда не артикулировалась непосредственно. Однако при этом предполагается, что «евразийский дискурс» в России все же существовал и демаркацией его было представление о том, что русская жизнь есть «синтез европейских и азиатских элементов» (с. 21). Авторы предлагают, «расфокусировав взгляд», интерпретировать евразийство не как маргинальную тенденцию, а «как духовный mainstream российской цивилизации, в рамках которого отдельные оппонировавшие друг другу течения оказываются полемическими крайностями» (с. 29).

Принципиально то, что авторы стремятся осмыслить евразийство не только как комплекс идей, но и как своеобразный социокультурный тип. Авторы подчеркивают: «первична не идея России-Евразии, а действительное, объективно данное антропогеографическое евразийство, концептуально выраженное его идеологами» (с. 11). Тезис об антропологическом аспекте евразийской проблемы раскрывается применительно к «украинно-приморским мирам» Евразии, где традиционно в зарубежных антропологических исследованиях в качестве примера «селективного евразийского синтеза» рассматриваются преимущественно евроазиатские межэтнические браки (например, в Индии англо-индийские браки). С этим нельзя не согласиться, тем более, что до сих пор одним из главных доводов против евразийства считается его умозрительность.

В монографии анализируются евразийские ценности. И на первое место среди собственно евразийских ценностей авторы ставят волю как основную ценность собственно евразийской культуры. Рассматриваются также и другие ценности народов Внутренней Евразии: миксис (или ценность смешения), пограничность (бытие-на-границе), братство (побратимство) (раздел II, 386).

В исследовании делается интересная попытка выявления, наряду с цивилизационными ценностями, также и «константы» евразийского мира. Авторы выделяют следующие «математически фиксируемые константы»: срединность, архетип дробы, планиметрическую прямоугольную организацию, симфонизм ритмики евразийского процесса, западный дрейф антропоток (раздел III).

Западный дрейф антропоток, как известно, является, эмпирической фиксацией западного направления миграций в Евразии – с Востока на Запад. Но исторически евразийский вектор движения для России – это движение, как известно, на Восток. На наш взгляд, исторически имел место (и должен иметь место в перспективе) не только «западный», но и «восточный дрейф антропоток».

Особенностью монографии является наличие в ней обширного раздела «Ценностные ориентации народов Внутренней Евразии», который построен на результатах массовых и экспертных опросов в Южной Сибири (Хакасия, Тыва, Алтай), в Западной и Центральной Монголии, Восточном Казахстане. В основе опроса – оригинальная методика выявления западно-восточных цивилизационных дихотомий, определяемых, исходя из ценностей, доминирующих на Западе и Востоке. В частности, авторы делают вывод, что вестернизация в России «не привела к утверждению в массовом сознании населения примата индивидуалистических (западных) ценностей» (с. 219). Констатируется, что у народов Внутренней Евразии доминируют группы населения, чьи ценностные комплексы содержат «определенные

сочетания ориентаций на ценности западной и восточной культуры, что выражает синтетический характер евразийского социокультурного типа (с. 387).

Как показало исследование, евразийский, т. е. смешанный тип ценностного сознания присущ народам тюркской, славянской и монгольской групп. С точки зрения восприятия «европейских» ценностей южный сибиряк «примерно на 80 % азиат и лишь на 20 % европеец (с. 221).

Интересная и важная для понимания евразийского мира информация собрана и проанализирована в разделе V «Калмыки: между Востоком и Западом» (Л. Б. Четырова), где освещены исторический путь и современное состояние российских калмыков, сохранивших свою восточность, азиатскость, но, тем не менее, воспринимающих себя как европейцев – относительно монгольских сородичей на Востоке (с. 346).

Особое место в монографии уделено проблемам Алтая (раздел VI), который авторы (А. В. Иванов и М. Ю. Шишин) определяют как «эталонную территорию Евразии», где присутствует все «внутриконтинентальное евразийское пространство Старого Света в миниатюре» (с. 354). Они вполне правомерно рассматривают Алтай как «евразийский этнодемографический котел», однако все же затруднительно этногенез всех народов Евразии (в частности, например, славян) связать с Алтаем. Думается, что и другие регионы Евразии (Малая Азия, Балканы, Русская равнина, Кавказ, Причерноморье, Великая Степь, Приволжье, Урал) сыграли свою роль в этногенезе евразийских народов.

Коллективная монография посвящена преимущественно современному евразийскому миру, а не классическому евразийству 1920–1930-х гг., но, тем не менее, авторы не избежали обращения к «классике». Заметное место в книге занимает изложение «тропов и концептов» евразийцев. В результате терминологического анализа текстов евразийцев Ю. В. Попковым и Е. А. Тюгашевым обнаружено около 180 конкретных терминов, которые и освещены в прилагающемся к монографии словаре «Классическое евразийство: тропы и концепты» (с. 388–433). Данный словарь является, без сомнения, существенным вкладом в осмысление классического русского евразийства.

В целом коллективная монография «Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация» есть результат большого труда, значимый этап в осмыслении евразийской темы, свидетельствующий об актуальном научном переходе, а лучше сказать, повороте от теории к конкретному исследованию своеобразия евразийского мира. Можно даже предположить, что данная монография начинает собой новую, современную, междисциплинарную тенденцию в евразийских исследованиях. Книга стимулирует научный поиск, будит мысль, заставляет заново обдумывать даже привычные понятия и точки зрения.

На страницах книги евразийство перестает быть сухой теорией. И следует согласиться с авторами, что «с точки зрения социокультурной нормы евразийскому мышлению в России альтернативы нет» (с. 36). Добавим: и не только в России.

В качестве замечания отметим, что авторы широко используют классическое понятие евразийцев 1920-х гг. – «Россия-Евразия». Однако надо иметь в виду, что оно двусмысленно воспринимается в странах СНГ, в частности – как стремление России «монополизировать», охватить собой весь евразийский мир, всю евразийскую проблематику. На самом деле, несмотря на масштабы исторической и современной России, она представляет собой только часть собственно евразийского мира.

Подводя итоги, можно сделать очевидный вывод, что теперь любой серьезный исследователь евразийства и евразийского мира будет обязан обращаться к этой монографии. Без нее, вне ее результатов дальнейшее развитие теории и познания практики евразийства просто невозможно.

С. В. Селиверстов

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института истории государства (Республика Казахстан)
E-mail: seliverst-sv@rambler.ru